

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В XX ВЕКЕ

Собранные в этом номере журнала статьи натканы на основе докладов, сделанных на научной конференции "Население России в XX веке", проведенной в ознаменование десятилетия Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Впрочем, этот юбилей был, скорее, формальным поводом для обсуждения такой темы, календарь подсказывал гораздо более веское основание — конец самого XX века. Нельзя хоть на мгновение не остановиться и не оглянуться на итоги уходящего столетия, столь драматичного для России, а оглянувшись, не попытаться различить и демографическую составляющую этих итогов. Не понимая прошлого, нельзя увидеть всю траекторию, по которой движется Россия, а потому и заглянуть в будущее, а тем более повлиять на него.

Захоти мы заняться подведением демографических итогов лет за пятнадцать до окончания столетия, у нас бы мало что вышло. Сейчас в это трудно поверить, но в 1985 г. о новейшей демографической истории России можно было только догадываться. На Западе выросло целое поколение демографов, которые научились с помощью изолированных ухищрений, на основе всякого рода косвенных данных и свидетельств, приблизительно оценивать советские (в том числе и российские) демографические показатели. Кое-кто пытался это делать и у нас (неплохо получалось, например, у Б.Ц. Урланиса). Но всегда речь шла лишь о догадках, которые невозможно было проверить. И уж, конечно, их нельзя было публиковать или обсуждать в открытой печати. Так что представления рядового советского человека или даже рядового советского вельможи о демографическом положении страны быт примерно таким, как представления средневековых монахов об устройстве мироздания. Вскоре после смерти Сталина АИ. Микоян сообщил зачарованному народу, что "смертность в СССР ниже, чем в США, Англии и Франции", и зачарованный народ, кажется, в это поверил, да может и сам Микоян принял за чистую монету соиреалистические данные, услужливо подготовленные органами государственной статистики.

Когда же, спустя какое-то время, стало ясно, что смертность в СССР, а тем более в России, не просто выше, чем в США, Англии, Франции, Швеции, Японии... (список можно продолжать до конца довольно длинного абзаца), но еще и постоянно растет, то власти придерживающиеся просто вынуждены были принять соответствующие меры. Они и были приняты: публикации данных о смертности были свернуты, а сведения об ожидаемой продолжительности жизни или о младенческой смертности перешли в разряд государственных тайн, присоединившись к данным о причинах смерти, которые и прежде проходит по этому разряду.

Да что там смертность. Еще в XIV веке флорентийский хронист Джованни Виллани обнаружил удивительную устойчивость соотношения числа мальчиков и девочек среди новорожденных, и это открытие постоянно подтверждалось впоследствии статистическими данными, опубликованными во всех странах. В СССР же данные о разделении родившихся на мальчиков и девочек, по требованию Генерального штаба(!), на какое-то время исчезли из статистических публикаций, что повергло в недоумение специалистов во всем мире, но зато теперь может символизировать обстановку, в которой приходилось работать демографам советской поры. Правда, если демографам было плохо, то народу было хорошо. Многие знания — многие печали. Проблем хватало и без демографии - на уровне пустых магазинных полок, так хоть о смертности можно было не думать, казалось, что там все если и не блестяще, то, во всяком случае, не хуже, чем у людей. Свалившаяся как с неба гласность все поменяла местами. Демографы, наконец, получили возможность работать с достоверной информацией и воспряли духом, а вот народ приуныл и стал поговаривать о геноциде.

Прошло несколько лет напряженной работы исследователей, и стала вырисовываться картина страшного демографического разорения, которому подверглась Россия в подходящем к концу XX столетии. Было подсчитано, что если бы не чрезвычайные прямые и косвенные людские потери в годы войн, революций, голода, массовых репрессий, то сегодняшнее население России могло бы составлять не 146млн. чел., а на 100-120млн. больше.

Впрочем, дело не только в катастрофах чрезвычайных лет. И в недавние относительно спокойные десятилетия демографическое разорение продолжалось, хотя, может быть, и не такими быстрыми темпами, как прежде. Представим себе, что у россиян с их фактической численностью и возрастной структурой возрастные интенсивности смертности в каждом году с 1967 г. по 1996 г. были бы такими, как у французов, про которых Микоян думал, что у них смертность выше, чем у жителей СССР. Тогда число только мужских смертей в России за эти 30 лет было бы на 10 с лишним миллионов меньше (а население соответственно на 10 млн. чел. больше), чем оно оказалось в действительности. Это — чистые потери, сопоставимые по величине с прямыми военными потерями во Второй мировой войне всего СССР (9-10 млн. чел.), тогда как наш расчет относится только к России.

Так что Россия вступает в третье тысячелетие с трудным демографическим наследием.

Но тут мы подходим к другому вопросу, важному не только для демографов. Был ли уходящий XX век для России только веком демографических проигрышей и потерь? Я убежден, что это не так, и мне кажется, что результаты нашей конференции и содержание статей, публикуемых в этом номере журнала "Мир России", подтверждают такое убеждение.

Да, нам еще долго придется вспоминать горестные страницы нашей недавней истории.

Статьи Н. Земскова, П. Поляна, М. Филимошина, Т. Хорьковой возвращают нас к очень тяжелым ее годам, но мы обязаны к ним возвращаться, видеть все, как было, — хотя бы в надежде на то, что правдивое прочтение уроков прошлого поможет избежать новых трагедий в будущем. И все же, сколь парадоксальным это порой ни кажется, рядом с мрачной линией демографического разорения, переплетаясь с ней, проходит и другая. Это линия демографической модернизации России, обновления ее обещавшей к началу XX века системы демографических отношений, появления форм и норм демографического поведения, соответствующих всей обновившейся или обновляющейся системе отношений в российском обществе. Урбанизация, рост территориальной подвижности населения, признание свободы эмиграции, установление контроля над все новыми и новыми причинами смерти, "осовременивание" семьи, эмансипация женщин, детей и пожилых, переход к новому типу демографического равновесия (низкая смертность — низкая рождаемость) — все это очень радикальные перемены. Они необыкновенно расширяют пространство индивидуальной и коллективной свободы, открывают новые пути реализации человеческих потенций — и это тоже результат XX века.

Конечно, и здесь есть место не для одной лишь бравурной "прогрессистской" музыки, что хорошо видно в статьях А. Ахиезера, Г. Бондарской, А. Волкова, Ж. Зайончковской, Г. Лапто и П. Поляна, Б. Прохорова и И. Горшковой, Ф. Миме и В. Школьников. Разрушая устоявшиеся, окостеневшие отношения и представления, модернизационные перемены вступают в конфликт с ними, что само по себе порождает немалые напряжения в обществе; разрешая одни проблемы, они в то же время порождают новые, что так не нравится людям, убежденным в возможности жизни без проблем. На линиях этих новых напряжений возникают и новые кризисы, которые чаще всего отражают неготовность общества своевременно ответить на новые вызовы истории. Таков, в частности, современный российский кризис смертности,

И все же мне хотелось бы закончить это краткое вступление на оптимистической ноте.

Нельзя вылечить болезнь, если не поставлен или неверно поставлен диагноз. Но если диагноз поставлен верно, если причины болезни определены правильно, шансы на выздоровление больного резко увеличиваются. Наверняка мы знаем еще не все, что нужно знать, чтобы вылечить сильно запущенные российские демографические болезни. Но публикации этого номера показывают, что в поиске диагноза участвуют немалые силы и знания быстро прибывают. А это обнадеживает.

А. Вишневский